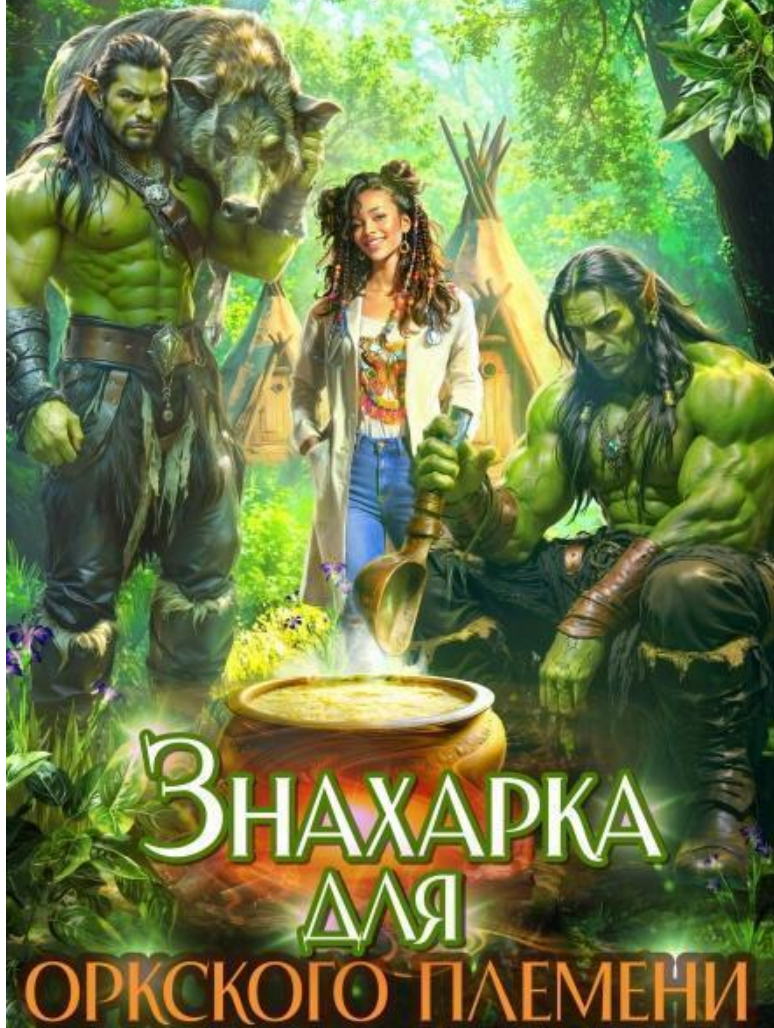

ЮЛИЯ ЭЛИСОН

Юлия Эллисон

Знахарка для оркского племени

<https://litres.ru/74211233>

Аннотация

Что делать, когда ты главврач областной больницы, а коллеги жалуются на то, что у них в кабинете сидит Халк? Конечно сходить и проверить, чтобы выяснить, что этот зеленый громила пришел за тобой, желая забрать тебя в другой мир, чтобы стать женой его вождя. Попутно, конечно, еще придется вылечить новоиспеченного жениха, приспособиться к оркскому быту, наладить контакт, так как знания языка тебе не отсыпали. Но это все ерунда! Самое главное, наконец ощутить себя счастливой

Приходите на книгу про попаданку-врача к драконам! А также на книгу про попаданку-врача к эльфам! И на книгу про попаданку-врача к вампирам!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	49
Глава 8	59
Глава 9	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Глава 1

Мой день начался не с ароматного кофе, а с дикого вопля, вырвавшегося из моей собственной глотки. И этот вопль, пролетев по пустым бетонным коридорам, затерялся где-то в районе морозильных камер патологоанатомического отделения.

Настроение соответствовало окружающей обстановке.

— Какого черта у нас опять нет бумажных полотенец? — рычала я на своего зама по хозяйственной работе, готовая оторвать ей голову. Стеллажи склада, обычно ломившиеся от гигиенических запасов, стояли пустые и пыльные, словно их вымел злой джинн. — Потому что кто-то явно ворует! За этот месяц мы сделали уже три закупки на эти чертовы полотенца, а их все нет! — Мой взгляд, выхватив из полумрака угол с пачками ленты для ЭКГ, яростно метнулся туда. — А туалетная бумага где?! Ее что, тоже на кардиограммы пустили?

Зам, Светлана Петровна, женщина с лицом вечно испуганного хорька, краснела, бледнела и, казалось, вот-вот испарится, но не могла внятно ответить на мой вопрос. Она лишь беспомощно шевелила губами, напоминая золотую рыбку, выброшенную на берег административного болота.

Вот так и живем. Я главврач большой областной больницы, у меня огромное количество бумажной работы, рабо-

ты с прессой, врачами, жалобами пациентов... А я вынуждена разруливать банальную туалетную историю с вороватой уборщицей! И пусть никого не обманывает мой внешний вид.

Ну да, родилась я в смешанной семье. Мать, отличница-медалистка, учась в медицинском институте, познакомилась с веселым африканцем Бонганом, загоравшим на одном и том же стульчике в парке все лето. Получилась я. Мулатка с неуправляемой гривой волос, которую не берет ни один гель, кроме разве что строительной пены.

А еще я обожаю яркие цвета в одежде, психоделические принты и массивные деревянные браслеты. На работу хожу в джинсах и ярких футболках с забавными надписями вроде «Не трогайте меня, я стерильна», в волосах у меня всегда цветные бусины, позвякивающие при ходьбе.

Но честно и ответственно исполняю свою работу! Да и кто мне что скажет, если я сама начальство?! А в дни приезда проверяющих из министерства здравоохранения я честно напяливаю унылый костюм цвета «высохшей больничной штукатурки» и зализываю волосы в дулю, отчего голова начинает немилосердно пульсировать. Стратегический маневр, не более.

— Кому надо сто двадцать рулонов туалетной бумаги?! — Я ощущала не просто злость, а ярость — густую и маслянистую.

Почему я должна заниматься этим вопросом?! Почему ес-

ли хочешь, чтобы сделано было хорошо, то надо делать самой, а?

— Ну, я не знаю...

Эта курица с наманикюренными пальчиками цвета перламутрово-розового рассвета глупо хлопала глазами и смотрела на меня, как кот из Шрека. Только вот мне было плевать с высокой колокольни на ее наигранную невинность.

Больше всего в жизни я ненавидела две вещи: первая — воровство на рабочем месте, и вторая — опоздания. Да. Вот такая вот я странная. Пациенты могут хоть миллионы моим врачам в качестве подарка совать, а выговор в трудовую я им запишу, только если они опоздают на пять минут на работу. Потому что дисциплина. Она спасает жизни. А халва и разгильдяйство — губят.

— Как вообще можно было незаметно вынести из больницы такое количество бумаги? — недоумевала я, водя пальцем по пыльной полке и вырисовывая на ней замысловатый завиток. — Камеры я просмотрела в первую очередь, и никто вагонами около больницы не загружался. Только разгружали эту вот бумагу на склад. Или у нас завелся полтергейст с kleптоманией в анамнезе?

Заместительница снова захлопала глазами. Я махнула на дуру рукой, и бусики в моих волосах гневно зазвенели.

Вот порой жаль, что у меня не коммерческое учреждение. Уволить бы к хренам, но нельзя. Ее мне в больницу местный депутат протолкнул, велел место дать потеплее взамен на

большой грант больнице, а так как ремонт в операционных был нужнее, чем мои моральные принципы, то пришлось соглашаться на эту курицу.

Теперь вот разгребаю.

— Живо позови всех уборщиц в мой кабинет! Блиц-опрос будем проводить! — рявкнула, ощущая себя разбитой, как градусник в лихорадочном бреду.

Не-на-ви-жу. Ненавижу тупых людей. А вот свою работу я обожаю, даже несмотря на то, что из-за нее мне пришлось оставить практику.

Раньше-то я была отличным хирургом. Возилась с больными, работала посменно, имела выходных больше, а теперь... Теперь торчу в отпуске на рабочем месте и ищу, кто спер бумажные полотенца и туалетную бумагу, пока я отлучилась на часик кофе попить, так как утром не успела позавтракать, потому что кот снова уронил в мой салатник с мюсли свою игрушечную мышь.

Сначала, когда меня на должность поставили, я ненавидела все эти бумажки, долго сопротивлялась, но потом приняла тот факт, что заведующая больницей нужнее, чем хирург. Потому что главврачи передо мной, сидящие в шикарных креслах, потихоньку разваливали больницу, даже не думая о том, что сюда попадают пациенты со всей области, которым мы должны оказать лучший сервис. Они надеются на нас. А надежда, как известно, умирает последней — обычно прямо в нашей приемной.

Вышла со склада, пахнувшего пылью и старыми бинтами, и поднялась на свой этаж, надеясь наконец добраться до вождественного кофе и горы бумаг на столе, которая уже походила на модель Гималаев.

— Эльвира Бонгановна! — донеслось тут же с другого конца коридора, где висел плакат с оптимистичным слоганом «Здоровье — это просто!»

Я обернулась. Ну да. Имя моего отца Бонган. Стандартное африканское имя, которое для наших краев походило на пароль для входа в параллельную реальность. А потому отчетливо звучало странновато, заставляя новых сотрудников запинаться и краснеть. Ну а имя... Я до сих пор радуюсь, что мама меня Изаурой не назвала — уж очень она любила этот сериал в свое время. Да и вообще, Эльвира очень красивое имя. Не стандартная «Катя» или «Маша». Для моей внешности стандартное имя было бы точно губительно, как капля нитроглицерина для гипотоника.

— Слушаю, — обернулась я к одной из медсестер, Машеньке, прибежавшей ко мне с выпученными глазами и таким выражением лица, будто она только что видела, как скелет из кабинета анатомии пошел на танцы.

— Там у нас в кабинете Халк! — выдала она неожиданно, задыхаясь.

Я моргнула, пытаюсь понять, это день такой или сегодня просто обострение у всей больницы. Одни туалеты обворовывают, другие фильмы Марвел пересмотрели... Нет, я то-

же люблю все эти фильмы, основанные на комиксах, но даже Капитана Америки у меня в кабинете ни разу не бывало, хотя порой очень бы хотелось посреди белого дня хоть кому-нибудь вызвать дурку. Отвести душу, так сказать.

— Кто-кто? — решила переспросить. Может быть, мне послышалось из-за звона бусин.

— Халк, говорю! И он просит вас! — Медсестра прикусила губу и сжала кулаки так, что побелели костяшки пальцев, сжимавших подол халата. — Я не сошла с ума! Идемте со мной, вы сами все увидите! Мы пытались его выгнать, а он ни в какую — мы не знаем, что и делать-то уже. Он чуть лифт не сломал!

Хм... задумалась я. Может быть, коллеги просто прознали, когда у меня день рождения, и решили так своеобразно поздравить? А то ведь он прямо сегодня... Но кто тогда проболтался? Я не слишком люблю все эти проставления и чаепития, поэтому давно запретила поздравлять меня с днем рождения на работе.

Но за медсестрой все же пошла, сгорая от любопытства. Мы спустились на второй этаж, где обычно принимали дежурные врачи и пахло антисептиком с нотками безысходности, и зашли в кабинет обычного терапевта.

— Хм... — Я встала на пороге, глядя на массивного зеленого мужчину, кое-как примостившегося на обычном человеческом стуле.

Стул под ним трещал так жалостливо, что было страшно

за его судьбу. Мужчина был огромен, его мускулы напоминали булыжники, а кожа отливала странным изумрудным оттенком, словно его выточили из цельного куска малахита.

Не так чтобы он был некрасив, но непривычен взгляду. И грим... если это был грим, то работа художника стоила «Оскара». От него исходило ощущение не столько агрессии, сколько могучей, сконцентрированной силы, как от высоковольтного трансформатора.

— Хороший грим, — похвалила я, отмерев. — Замечательная проработка текстуры кожи. Зачем я была вам нужна? И вообще-то, могли бы сами подняться в мой кабинет, он выше этажом! — тут же отчитала хулигана.

Не знала, что у нас где-то съемки проходят: выглядит натурально, аж жуть!

— Я поднимался к вам, вас там нет! — отрезал этот субъект с наездом.

Его голос был низким, гулким, словно из глубины пещеры.

Я подняла бровь. Наезжать на меня не то чтобы бесполезно, а опасно. И уж тем более посторонним непонятным личностям.

— Значит, надо было ждать! — рявкнула. Настроение и так ни к черту, а тут еще этот... зеленый. — У нас не цирк шапито, чтобы по коридорам шляться в подобном виде!

— Мое дело не требует отлагательств! — выдал хам. Грудь его мощно вздымалась. — Вы Эльвира?

— Я — Эльвира Бонгановна! — отбрила, уперев руки в боки. — А вы немедленно покинете вверенную мне больницу, или я вызову полицию. А если уж так жаждете ко мне на прием, то приемные часы с трех до семи, записываться необходимо по номеру телефона, написанному на стенде в холле больницы. Все! Свободны!

Вышла из кабинета, прикрыв за собой дверь, ощущая некое удовлетворение — сладкое, как первый глоток того самого недопитого кофе. Будут мне тут всякие зеленые без записи ходить! Я им не дежурный врач, принимать без талона не обязана!

Вот только удовлетворение это было недолгим — примерно как действие легкого анальгетика при мигрени. Потому что дверь позади меня с оглушительным грохотом, треском вырванных петель и ошметками древесины разлетелась вдребезги, и тот самый зеленый субъект, сокрушив дверной косяк плечом, шагнул в коридор, загораживая собой весь проход, как живой, дышащий бульдозер.

— Я сказал, мое дело не терпит отлагательств! — прогремел он на весь этаж, и от его рыка задрезбжали стекла в витринах с медицинскими наградами.

Я медленно обернулась, глядя на ошметки двери. В голове пронеслись два стойких убеждения. Первое: ремонт снова из моего кармана — денег в бюджете уже не осталось. И второе, куда более важное и отрезвляющее: это был не грим.

Похоже, день рождения обещал быть незабываемым.

Глава 2

Молча сложила руки на груди, пока люди в панике начали разбегаться с этажа. Медсестры попрятались в ординаторской, а пара санитаров застыла в нерешительности с каталкой для транспортировки больных. Хотя нет, кто-то вон достал телефоны и снимал наш цирк шапито. Отличный пиар-ход для областной больницы: «У нас не только туалетную бумагу воруют, но и зеленые великаны по коридорам шастают».

Премии мне, видимо, не видать. Разве что посмертно.

— А я сказала, что прием строго по записи, — ничуть не смутилась этого грубого применения физической силы.

Хотя нет: внутри, может, что-то и дернулось — инстинкт самосохранения, наверное, зашевелился где-то глубоко, — но папа меня учил быть сильной девочкой и не пасовать перед противником. Даже если этот противник весит под три центнера и цветом напоминает несвежий шпинат.

— Я не могу ждать! — прогрехотал зеленый, и от его баса в ушах зазвенело, а по стеклам побежали мелкие дрожющие волны.

Прикинула, как бы выйти из ситуации с большей пользой. Ремонт двери — дело накладное, а бюджет у нас, как всегда, дырявый, как старый носок.

— А я не могу оставить ваше хулиганство безнаказанным,

— заявила, чувствуя, как бусики в моих волосах тихо позвякивают. — Так что либо вы прямо сейчас оплачиваете ущерб больнице, либо приема вам не видать как своих ушей.

Тут я впервые внимательно разглядела его одежду. Кожаные штаны, потертые и мягкие, словно из кожи какого-то неведомого зверя, красиво облегли мощные ноги. Торс не прикрыт ничем, кроме широкого кожаного ремня, перехватывающего грудь, на котором со спины крепился... хм... здоровенный боевой топор с рукоятью, покрытой замысловатой резьбой, изображающей каких-то крылатых существ. Волосы — густая темная грива, отливающая синевой, как крыло ворона, — спускались до лопаток, а часть у лба была стянута опять же ремешком и заправлена назад. Черты лица резкие, скулы высокие, а уши... уши заостренные, словно у эльфов из тех самых фильмов, что я обожала.

В общем, колоритный субъект. Прямо с обложки какого-нибудь фэнтези-романа про орков.

— К тому же с холодным оружием запрещено посещать больницу! — добавила я, указывая подбородком на топор. — Это нарушение внутреннего распорядка! Пункт четыре-семь, если не ошибаюсь.

Мужчина ненадолго задумался, затем потянулся к своим брюкам, снимая с пояса небольшой мешочек из грубой ткани, откуда послышался звенящий, явно металлический звук.

Мелочь у него там, что ли?

— Я оплачу дверь, вы идете со мной! — заявил он кате-

горично, глядя на меня суровым, пронзительным взглядом.

Глаза были ярко-янтарного цвета, как у хищной птицы, и в них плясали золотые искры.

— Вы оплачиваете дверь — я, так и быть, записываю вас на прием, — предложила более устраивающий меня вариант. Всему свой черед.

— Сейчас! — зарычал мужчина, и его мощные челюсти сомкнулись с таким щелчком, будто он грыз гранит.

Я глянула на наручные часы: милый подарок от мамы — серебряные, с голубой эмалью. Стрелки показывали без двадцати три.

— Через двадцать минут, — строго сказала.

Времени как раз хватит, чтобы допить остывающий кофе. Не до зеленых мне мужиков.

Еще бы неплохо хотя бы пообедать в свой собственный отпуск и день рождения, но мне еще туалетного вора искать. Приоритеты, черт возьми.

— Сейчас! — прорычал громче зеленый, словно от того, как громко он рыкнет, будет зависеть мой прием.

Стекла в витринах снова задрожали, а с потолка посыпалась легкая пыль.

Я хмыкнула, снова глянув на часы.

— Осталось девятнадцать минут, — заявила бесстрашно. — Можете подняться на этаж и подождать своего приемного времени там. И советую по дороге никого не пугать, а то наши кардиологи сегодня и так перерабатывают.

Развернулась и пошла на свое законное рабочее место, чувствуя его взгляд на спине — тяжелый, как гиря. Телефоны следили за каждым моим шагом.

Надеюсь, мне удастся потом требовать премию за тяжелые условия труда у министерства здравоохранения. Или хотя бы оплату сеанса у психолога.

Поднявшись на этаж, спокойно зашла в свой кабинет, только тогда отметив, что зеленый субъект топал сзади. Кстати, бесшумно топал для такой массы, будто шел по пуху. Но да ладно.

Указала ему на скамейку в холле, ту самую, что купили в прошлом году и которая уже успела разболтаться.

— Ждать здесь! Я вызову сама! — заявила и прошла в свой кабинет, облегченно выдыхая, когда дверь закрылась, отсекая меня от этого сюрреалистичного зрелища.

Этот день меня добьет. Прошла за свой дубовый стол, заваленный бумагами, открыла отчет за прошлый квартал — том толщиной с «Войну и мир» — и села его изучать, попутно прихлебывая уже остывший кофе из кружки с надписью «Самый добрый доктор» и заедая пирожком с вишней, захваченным из кафешки у метро.

Бумаги, цифры, сводки...

Ровно через девятнадцать минут, отмерив время по своим часам, я открыла дверь зеленому посетителю.

— Проходите, — сурово сказала, указывая ему на стул, усиленный стальными ножками — специально для особо

«тяжелых» пациентов. Надеюсь, выдержит.

Сама прошла за свой стол и села напротив, приняв официальный вид, сложив руки перед собой.

— Слушаю вас, — сказала, рассматривая этого колоритного субъекта.

А он ничего так мужчина, если абстрагироваться от цвета кожи. Зелень, правда, бы смыть, но и так красавчик. С такими-то плечами, будто выточенными из гранита, да стальным прессом, которому любая фитнес-модель бы позавидовала.

Всегда питала слабость к большим мужчинам.

— Вы должны пойти со мной! — выдал Халк, упирая на слово «должны», и его голос прокатился по кабинету, заставляя вибрировать даже картины на стене.

Я лениво подняла бровь.

— Где постановление? — уточнила, делая вид, что ищу что-то в стопке бумаг. — Судебное решение? Предписание вышестоящих инстанций?

— Какое постановление? — Он выглядел искренне озадаченным, его густые брови поползли к волосам.

— О том, что я должна, — сказала спокойно, складывая руки на столе. — К тому же я не вижу денег за сломанную дверь. И за моральный ущерб персоналу, между прочим.

Мужчина снова потянулся к поясу кожаных штанов и бросил на стол тот самый мешочек. Он тяжело стукнул о дерево, и из него тут же вывалилось несколько крупных, отливающих тусклым красным золотом монет с каким-то хищным

профилем и непонятными письменами по краю.

В то, что это настоящее золото, я в жизни не поверю. Выглядит как реквизит из плохого исторического фильма. Может, все же дурку вызвать? Хотя, глядя на него, кажется, она уже здесь, в моем кабинете.

— Здесь хватит, чтобы купить всю вашу больницу! — гордо выдал зелень, скрестив на груди мощные руки.

Я хмыкнула. Ну, это он завернул. Аппарат МРТ стоит под восемьдесят миллионов. И даже если это и правда золото, то он не сможет его выкупить. Да и кто у нас тут покупает больницы за мешок монет? Олигархи предпочитают яхты.

— Не думаю. К тому же я принимаю только рублями. Будьте любезны сходить до ломбарда и поменять деньги, — невозмутимо сообщила, отодвигая одну из монет кончиком карандаша. — Ближайший на улице Ленина, два квартала отсюда.

Зеленый словно бы офигел от моей наглости. Его брови поползли еще выше, почти сливаясь с линией волос.

А мне что? Мне за словом в карман никогда лезть не приходилось, наверное, поэтому меня и выдвинули на эту должность. Чтобы я таких, как он, ставила на место.

— Вы должны пойти со мной! — снова выдал этот хам, уже начиная напоминать заевшую пластинку.

— До ломбарда? Нет уж, у меня много работы, — заявила, указывая на гору бумаг, угрожающе нависшую на краю стола. — Но если вы поможете мне ее выполнить, то, так и

быть, я схожу, — решила пойти навстречу.

В конце концов, у меня отпуск и день рождения — могу я хоть немного развлечься в компании сумасшедшего? Тем более такого колоритного. Не каждый день по коридорам топчутся мускулистые эльфы-переростки.

Зеленый явно офигел второй раз, глядя на меня недовольно, словно я предложила ему подмести полы в отделении.

Кажется, он не привык, чтобы ему отказывали и тем более ставили условия.

— Должны! — Он хряпнул кулаком по столу.

Все на столе — компьютер, чашка с карандашами, папки с делами, рамка с фото моей таксы — подпрыгнуло и звякнуло.

Чашка грохнулась набок, карандаши рассыпались веером. Отчет за прошлый квартал съехал на пол, страницы разлетелись по полу.

Вот это он зря. Я тоже так умею. Резко встала и со всей дури, вложив в удар всю накопившуюся за день злость на вора бумажных полотенец, дуру-зама и этот безумный мир, долбанула ладонью по центру стола, выбивая еще более оглушительный, дребезжащий звук. Больно, черт!

Мой стол, старый и проверенный, лишь громко ахнул, но выстоял.

— Нет! — рявкнула я командирским тоном, каким когда-то отчитывала провинившихся интернов, и этот тон заставлял сжиматься даже бывалых хирургов.

Зеленый тут же присмирел, отдернув руку, и посмотрел на меня с нескрываемым уважением, даже с некоторым удивлением — как на достойного противника.

— Мой вождь ждет знахаря! — произнес он уже более сдержанно, но с непоколебимой уверенностью в голосе.

Я хмыкнула, показав пальцем на висящий над столом, слегка перекошенный после его удара, портрет Путина.

— А мой вождь ждет, что я буду на страже здоровья людей! И порядка во вверенном мне учреждении! И чтобы двери зря не ломали!

Зеленый хлопнул глазами, его взгляд метнулся от портрета ко мне и обратно, словно он пытался понять связь между этим немолодым человеком в пиджаке и мной, мулаткой в джинсах и с бусами в волосах.

— Мы щедро заплатим, — сказал он, понизив голос, словно делая мне величайшее одолжение. — Золотом, камнями, землями за Огненной Рекой...

Закатила глаза к потолку. Какого черта вообще?!

— Если бы я продавалась, то на кабинете был бы написан чек, — парировала, садясь обратно в кресло и пытаясь поправить папки на столе. — А так — только расписание приема.

Зеленый явно не нашелся что сказать. Он сидел, молчал и смотрел на меня так, будто я была самым странным и непонятным существом, которое он встречал за всю свою, должно быть, долгую и полную приключений жизнь.

А ведь день только начался.

Глава 3

Я смотрела на зеленого, а он смотрел на меня, и в этой немой сцене было что-то до жути абсурдное.

Внутри все сжималось от возмущения: ну вот честно, мне вкалывать надо, отчеты дописывать, вора бумаги искать, а тут этот... этот переросток с малахитовой кожей устроил спектакль!

Его янтарные глаза изучали меня с таким любопытством, будто я не главврач, а диковинная бабочка в коллекции. А в голове у меня вертелось: «Ну сколько можно? Я ведь уже дважды его посылала, вежливо и не очень!»

— Что ж, раз мы договорились, — ни черта мы не договорились! — то прошу вас на выход, — проговорила я сквозь зубы, с трудом сдерживая раздражение.

Кроссовки с ярко-розовыми шнурками, которые обычно поднимали мне настроение, сейчас бесшумно скользили по полу.

Я демонстративно распахнула дверь с таким размахом, что та чуть не отлетела, и жестом, в котором смешались усталость и злость, указала на коридор.

В душе я уже мысленно составляла заявление об уходе — достало меня все! Почему я в свой отпуск вынуждена заниматься всем этим абсурдом?!

Молчаливое ожидание затянулось. Сердце заныло от без-

надеги: ну почему, почему все всегда так сложно?

Посетитель намека не понял, продолжая сидеть с видом каменного идола, и мне вдруг дико захотелось швырнуть в него своей кружкой «Самый добрый доктор». Но я, мать его так, девочка добрая. В пациентов не кидаюсь.

— Я жду! — постучала носком кроссовки, и бусины в моих волосах зазвенели тревожно, словно предупреждая о надвигающейся буре.

И тогда произошло нечто, от чего у меня похолодело внутри. Зелень медленно поднялся, глядя на меня с решимостью, от которой стало не по себе. Господи, ну сейчас что-то будет...

— Вождь ждет знахаря! — прогремел он, и от этого рыка у меня по спине побежали мурашки.

Затем мир перевернулся. Буквально. В глазах потемнело от неожиданности.

Стремительный рывок — и вот я уже вишу вниз головой на его плече, униженная и беспомощная. Причем головой вперед, ногами назад. Легкий страх сковал диафрагму — не столько от самой ситуации, сколько от осознания полной потери контроля. А вместе со страхом поднималась и ярость — как он смеет?! Волнение же было странным, щекочущим — смесь ужаса и какого-то детского восторга от невероятности происходящего.

Вокруг, как и ожидалось, столпился народ. Камеры смартфонов снимали мое унижение, а шепот резал слух.

«Эльвира Бонгановна... зеленый...» — долетело до меня, в груди родилась закономерная злость.

Я поймала взгляд практиканта — парень стоял с открытым ртом, и мне захотелось провалиться сквозь землю.

Фэнтези я читала запоем, поэтому, когда в конце коридора замерцала радужная пелена портала, у меня екнуло сердце. Внутри вспыхнул настоящий восторг — так вот оно как бывает! Мечты попасть в другой мир сбываются! Но тут же накатила паника: а что если это билет в один конец?

А больница? А отчеты? А мой кот?!

— Стоять! — рявкнула я с отчаянием загнанного зверя, и даже сама удивилась этой животной ярости.

Народ вокруг попятился, а я, дрожа от унижения и гнева, выкрикнула:

— Поставь меня!

И, о чудо, зеленый послушался! Облегчение волной прокатилось по телу, сменившись новой волной ярости.

Он аккуратно поставил меня на ноги, и я, стараясь скрыть дрожь в коленях, решительно отряхнула халат. Внутри бушевала буря — между желанием сбежать и любопытством, между страхом и азартом.

— Если собираешься меня похищать, то мне нужен кот! — выпалила я, упирая руки в боки, стараясь скрыть нервную дрожь в голосе.

А чего кричать «караул», когда в душе уже просыпается авантюристка? Но вместе с азартом рос и страх — а вдруг

это ловушка? А вдруг не вернусь?

— Кот? — Гуманоид завис, и из-за его растерянности я с горьким удовлетворением поняла, что не одна тут в замешательстве.

— Да! Мой кот! — выдержала паузу, собираясь с мыслями. — Я подобрала его на мусорке еще котенком! — Голос дрогнул при воспоминании. — И он прошел со мной огонь, воду и три проверки Санэпидемстанции! Отказываюсь идти к вашему вождю без кота!

Зеленый смотрел на меня с тем же выражением, с каким я смотрела вчера на нового интерна. Правда, дополнительно в его взгляде читалось неподдельное уважение. Меня это одновременно и тешило, и пугало.

— Хорошая жена вождю, — одобрительно крикнул он.

Я едва не фыркнула, сдерживая смехок, граничащий с истерикой. Из меня жена — как из танка балерина. Но пусть думает что хочет: главное — выиграть время!

— Пошли за котом! — скомандовала я, чувствуя, как смелость возвращается ко мне.

Нас провожали десятки глаз, а почти уже на выходе из больницы, я наткнулась на процессию — Светлана Петровна вела ко мне уборщиц.

— Отмена блиц-опроса, — объявила я их компании, чувствуя, как голос предательски дрожит.

Затем, собрав всю свою волю в кулак, крикнула в коридор, отметив, что коллеги, как крысы за дудочкой, идут следом,

кто-то снимает на телефон:

— Что уставились? День рождения у меня! Наняла актера для перформанса!

По холлу пролетел облегченный вздох, словно они и правда за меня переживали. От крика эффект был мгновенным. все ринулись врассыпную.

Я с облегчением выдохнула, но в груди все еще колотилось сердце.

Решительно подошла к разъезжающимся дверям, сжимая дрожащие руки в кулаки.

— Я недалеко живу, — бросила через плечо, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Без кота я вашему вождю и рецепта от насморка не выпишу!

Глава 4

Умолчу, как мы добирались до моей квартиры. Это отдельный аттракцион, достойный целого тома психотерапевтического исследования.

В такси зеленый громила не влез даже теоретически — пришлось трястись на автобусе, где я с натянутой до боли в суставах улыбкой объясняла бабушкам, что это актер, мы со съемок, грим не сняли.

Внутри все сжималось от унижения: я, главврач областной больницы, ташу по городу полуголого зеленого мужика, а сама в медицинском халате поверх футболки с единорогами, потому что в пылу событий забыла его снять! От одного этого осознания щеки пылали огнем. А мой спутник с невозмутимым видом рассматривал рекламу в салоне, словно это были древние фрески.

Бабушки качали головами, но, кажется, верили. Особенно когда одна из них, прищурившись, спросила:

— А это из того нового сериала, где доктор с пришельцем?

Мне оставалось только кивать с дурацкой улыбкой, чувствуя, как по спине бегут мурашки стыда.

В подъезде, от встречи с соседкой Людмилой Петровной — той самой, что регулярно жаловалась на топот моего ко-та в шесть утра, — у меня внутри все оборвалось. Сердце застучало где-то в горле. Пришлось на ходу сочинять новую

легенду.

Зеленый в это время с детским любопытством изучал домофон, словно впервые видел такое технологическое чудо, и мне дико захотелось его стукнуть — ну почему он не может хотя бы притвориться нормальным?

— У меня сегодня день рождения, — выдохнула я, пытаясь заслонить собой зеленую массу и чувствуя, как предательски дрожит голос. — Друзья заказали актера для развлечения. В стиле фэнтези.

Людмила Петровна посмотрела на него, потом на меня, на мои разноцветные бусины и, кажется, мысленно поставила диагноз. Но промолчала, только пробормотала:

— Нынче молодежь развлекается странно...

Видимо, логика «с жильцами лучше не спорить» перевесила. Я стояла, чувствуя, как по спине струится холодный пот облегчения, смешанного со стыдом.

Соседи удовлетворились моим враньем. Я почти бегом поднялась на этаж, дрожащими руками открыла дверь (благо запасные ключи всегда хранила в специальном тайном отсеке почтового ящика — привычка, выработанная после того, как трижды запиралась на балконе) и облегченно выдохнула, улыбнувшись Барсику. Тот встретил меня сонным взглядом с подоконника, лениво потягиваясь на своем любимом леопардовом лежаке.

Его спокойствие немного успокоило и меня. Хоть кто-то в этом мире сохранял самообладание!

— Проходи, — кинула я зеленому через плечо, сбрасывая кроссовки, и тут же ринулась в процесс сбора кота в неизвестность.

Внутри бушевала буря от страха, любопытства и дикого возмущения тем, что моя упорядоченная жизнь вмиг превратилась в хаос.

Сначала на антресолях, под залежами старых медицинских журналов и коробкой с елочными игрушками, я отыскала переноску — прочную, серую, в которой Барсик обычно ездил на прививки. Он, почуяв неладное, тут же юркнул под диван, откуда донеслось возмущенное «Мррр!». Меня охватила паника: а вдруг не удастся его вытащить?

Пришлось его оттуда выманивать пакетиком влажного корма со вкусом лосося — классика жанра. Руки дрожали, когда я застегивала молнию переноски.

Затем я собрала корм — сухой, влажный, лакомства, шампунь для блеска шерсти. В отдельную сумку полетели все его игрушки, вытащенные из-под дивана и из-под шкафа: мячики с перьями, мышка-пищалка, дразнилка с колокольчиком и та самая игрушечная крыса, которую он так обожал и регулярно подкидывал в мой салатник.

Не забыла и про его любимое одеяльце с совиным принтом — без него кот отказывался спать в новых местах. Каждая вещь, которую я клала в сумку, вызывала новый виток тревоги — а хватит ли? А что, если там не будет того, что нужно?

В самую последнюю очередь я зависла над лотком. Он у меня был дорогуший, автоматический, с угольным фильтром и системой самоочистки — настоящий гаджет за ползарплаты. Гордость и предмет легкой зависти всех гостей, видевших это чудо техники.

Я с тоской посмотрела на него, чувствуя почти физическую боль расставания. А есть ли в мире зеленого электричество? И, что немаловажно, есть ли там розетки под евро-стандарт? От одной этой мысли стало одновременно смешно и грустно.

— Эй, зеленый! — крикнула я из туалета, где на полочке над унитазом мирно соседствовали «Война и мир» и «Атлас анатомии». Голос прозвучал более резко, чем я планировала, но сдерживать нервы уже не было сил. — У вас там есть электричество? — уточнила, уже предчувствуя ответ.

Огромная глыба мышц, которая все это время стояла посреди гостиной и со сдержанным любопытством наблюдала за моим бытовым перформансом (особенно его заинтересовал телевизор с запущенной заставкой аквариума), тут же подошел.

Его присутствие делало мою стандартную хрущевку размером со спичечный коробок.

Он с любопытством потрогал висящее в прихожей павлинье перо в рамочке — подарок от бывшего пациента, и мне стало почему-то обидно за свое привычное пространство, нарушенное этим вторжением.

— Элеичество? — исковеркал он слово, будто впервые его слышал. Его янтарные глаза сузились. — Нет. У нас светит солнце.

Я так и знала. Кивнула, мысленно прощаясь с технологическим чудом и представляя, как объясняю Барсику, что теперь его туалет — это весь окружающий мир. В груди заняло от тоски по привычному комфорту.

— А куда кот будет ходить в туалет? — уточнила я, указывая на Барсика, который, уже сидя в застегнутой переноске, выражал молчаливый протест всем своим пушистым видом.

В голосе прозвучала нотка отчаяния: ну вот даже такие простые бытовые вопросы теперь становятся проблемой!

Громила посмотрел сначала на кота, потом на меня, затем снова на кота. В его взгляде мелькнуло что-то вроде понимания.

— Маленький хищник может делать это на улице, — заявил он тоном, не терпящим возражений. — В лесах Плачущих Деревьев или на полях Изумрудной Пыльцы. Это даже почтут за благословение.

— Вот и ладненько! — Я даже обрадовалась за Барсика, хотя внутри все сжалось от новой тревоги: а вдруг эти Плачущие Деревья окажутся хищными?

Улицу он, в принципе, уважал. Каждый раз, когда мы ездили с ним на дачу к маме, он наслаждался природой по полной, правда, предпочитая делать свои дела исключительно на ухоженные клумбы с розами.

— Тогда возьму еще и шлейку с поводком, — решила я, — раз планируются прогулки. И пакетики, — добавила я уже себе под нос, прекрасно понимая, что в фэнтези-мире за свинячество на поле Изумрудной Пыльцы могут и на кол посадить. От этой мысли стало одновременно страшно и смешно.

Барсик, словно поняв, что его ждут приключения, согласнo мявкнул из переноски и принялся вылизывать лапу с видом заправского путешественника. Его спокойствие немного успокоило и меня.

— Ну, я готова, — объявила я, забросив в еще один рюкзак пару своих самых ярких футболок, женские гигиенические принадлежности, кремушки, масочки, джинсы, зубную щетку и зарядку для телефона (на всякий пожарный, вдруг у них там розетки все-таки есть, но с другим разъемом). Прихватила и небольшую аптечку — профессиональная деформация, куда ж без нее.

В итоге я представляла собой этакий памятник советскому дефициту: обвешанная сумками, пакетами с кошачьим кормом, из карманов белого халата торчали баночки с кошачьими витаминами и упаковки влажных салфеток, в одной руке — переноска с недовольным Барсиком, в другой — рюкзак со своими пожитками, а через плечо болталась шлейка в виде дракона.

Внутри все сжималось от страха — а справлюсь ли? А что меня там ждет?

Зелень скептически меня осмотрел с ног до головы. В его

взгляде читалось: «И это все — великий знахарь, которого я так долго искал?» Но спорить не стал. Вместо этого он как-то странно, почти изящно прищелкнул, и я заметила, что на его огромных запястьях были тонкие браслеты из сплетенных корней.

И прямо посреди моей кухни, между холодильником, увешанным магнитами из разных городов, и столом с недоеденной ватрушкой, развернулась знакомая радужная пленка портала. Она мерцала и переливалась, отбрасывая на стены и потолок причудливые блики, в которых угадывались очертания незнакомых созвездий. Выглядело это настолько сюрреалистично, что даже Барсик на секунду замер, уставившись на портал своими янтарными глазами.

А у меня в груди защемило — прощай, мой привычный мир!

— Первая, — немногословно кивнул мужчина и встал позади меня, создавая ощущение готовности в случае чего подопнуть в нужную сторону ногой своего размера «на вырост».

Впрочем, я даже не думала возмущаться. Потому что внутри все трепетало от предвкушения, смешанного с животным страхом.

Попасть в другой мир мне жуть как хотелось!

Все детские мечты, все прочитанные книги, все просмотренные фильмы кричали в один голос: «ВПЕРЕД!» Но вместе с тем где-то глубоко внутри сидел и страх — а вернусь

ли?

Сделав глубокий вдох (пахло кошачьим кормом, ватрушкой и чем-то диковинно-древесным, что исходило от портала) и крепче прижав к себе переноску с Барсиком, я шагнула в радужное сияние.

Последнее, что услышала перед тем, как мир поплыл, — это тревожное «Мяу?» из переноски и удовлетворенный хрюкающий звук за спиной.

Господи, во что я ввязалась?

Глава 5

Похоже, я таки потеряла сознание. Не в моих это правилах — падать в обморок, как героиня дурацкого романа, но, видимо, межмировые порталы мой вестибулярный аппарат не оценил. Пришла в себя с ощущением, будто меня пропустили через мясорубку, да еще и в обратную сторону. Голова гудела невыносимо, будто в нее забрался рой пчел и устроил там дискотеку.

Под спиной было нечто одновременно мягкое и твердое, словно я лежала на слое мха, уложенном на деревянные доски. Пахло землей, дымом и чем-то еще — сладковатым и пряным, как корица и влажная кора. Я лежала и просто дышала, пытаюсь привести мысли в порядок.

Страх сковал меня, холодный и липкий. Господи, где я? Что со мной случилось?

Приоткрыла глаза, и первое, что я увидела, — странный конусовидный потолок из какого-то материала, больше всего напоминающего кожу, разрисованного символами, словно бы первобытными людьми в порыве творческого вдохновения.

«Ну, хотя бы не пещера», — с облегчением подумала, хотя до пятизвездочного отеля этому месту явно не хватало множества деталей. Внутри было тревожно и неудобно.

Сев, я осмотрелась, чувствуя, как подкатывает тошнота от

резкого движения. Лежала я на большой деревянной кровати, больше похожей на плот, в центре какого-то фиг-вама. Шатра, если быть точнее. Вокруг стояла такая же массивная мебель, явно сделанная чьей-то грубой, но уверенной рукой — стол, похожий на спил дерева, пара табуреток, сундук.

Мои вещи, включая рюкзак и сумку с кошачьими припасами, лежали на полу рядом с кроватью и в полном порядке, что было странно утешительно. Хоть что-то знакомое в этом безумном мире.

И тут мой мозг наконец прочистился от порталной мути и выдал главный, панический вопрос. Бегло пошарила глазами, пытаясь найти серую переноску с котом.

Ее нигде не оказалось. Ни на кровати, ни под ней, ни в углу.

Сердце тут же забило сильнее, переходя на сумасшедший галоп, отдавая болью в висках.

Хорошо. Я в неизвестном месте, среди неизвестных существ, но это еще полбеды. Где мой кот?! Где Барсик, мой пушистый сожитель, переживший со мной три переезда и смену четырех начальников?

Паника, горячая и слепая, подкатила к горлу, сжимая его. Если с ним что-то случится... Даже думать об этом не хотелось.

Вскочила, и мир поплыл перед глазами, но я проигнорировала головокружение и едва не бегом бросилась к выходу из шатра: туда, где был виден солнечный свет, пробивавший-

ся через входной полог. Ноги были ватными, но я их буквально тащила за собой.

Выйдя, я тут же сощурилась от яркого, почти ослепительного света солнца. Пока глаза привыкали, я успела выхватить общую сцену: прямо перед шатром вокруг большого каменного котла, сидели зеленые мужчины. Очень похожие на моего «проводника». А за их спинами... стояло множество похожих шатров — из той же кожи, натянутой на каркас. Какие-то были поярче, украшены перьями и цветными полосками, какие-то — поскромнее. И судя по их количеству, раскинувшемуся насколько хватало глаз по зеленому холмистому ландшафту, это был целый палаточный город!

Меня охватило странное чувство: смесь страха перед масштабом происходящего и жгучего любопытства.

Проморгавшись и привыкнув к необычному солнцу, я заметила свою пластиковую переноску. Она лежала неподалеку от костра с мужчинами, которых я увидела первыми. Только вот... она была пуста! Дверца распахнута, внутри никого.

Паника накатила с новой, удушающей силой, мгновенно сменившись горячей, яростной решимостью. Если эти зеленые громилы сварили из моего котла суп, я лично, не пользуясь анестезией, проведу тут массовую кастрацию! Я же врач: я знаю, как это делается!

Я готова была разорвать их голыми руками.

Решительно, с таким видом, будто шла не на толпу му-

скулистых гуманоидов, а на разборку с поставщиком некачественных бинтов, двинулась к компании у костра. Внутри все трепетало от страха, но я заставила себя идти, выпрямив спину.

— Где мой кот?! — начала с наезда.

Возмущение и страх боролись внутри, сжимая горло. Правда, последний я удачно скрывала за маской ярости. Но внутри все сжалось в комок: а вдруг и правда с ним что-то случилось? Эта мысль вызывала леденящий ужас.

Мужчины обернулись ко мне едва ли не синхронно, и я отметила про себя, что их было человек двенадцать и все — будто на одно лицо, как близнецы. Мощные, с кожей оттенка мокрого мха или молодой листвы. На некоторых были надеты ожерелья из зубов и когтей каких-то неизвестных мне хищников, на других — браслеты из грубо обработанных камней, отливавших матовым блеском.

Волосы у всех были темные, густые, спадающие ниже плеч, у некоторых были заплетены тонкие косички с бусинами из кости или дерева, перьями, маленькими сушеными плодами. Лица — с резкими, сильными чертами, высокими скулами и такими же заостренными ушами. Взгляды — оценивающие, любопытные, но без явной угрозы. От этого становилось немного спокойнее, но лишь немного.

— Знахарь.

Передо мной встал... ммм... тот, что был чуть массивнее других, и с наибольшим количеством бус и зубов на шее. По

крайней мере, веяло от него чем-то... властным, это точно.

Лидер.

Его голос был низким и спокойным, но в нем чувствовалась сила.

— Орк, — уперла я руки в боки.

Похоже, с первоначальным определением расы не ошиблась. Фэнтези-книги не ввали. Внутри шевелилось смутное волнение: я в самом деле в другом мире!

Судя по тому, что меня никто не поправил и не удивился — я угадала.

— Где мой кот? — повторила вопрос, начиная хмуриться, демонстрируя, что шутки кончились. Внутри все замирало в ожидании ответа.

— Хищник у нас, — очень содержательно поделился мужчиной.

Он осматривал меня с ног до головы, как редкую диковинку. Ах да, мне же там мужа-вождя пророчили. Ну-ну, посмотрим. От этого взгляда по спине пробежали мурашки — смесь раздражения и какого-то непонятного любопытства.

Я тоже начала осматривать его, стараясь выглядеть так же оценивающе. Да, он был орком, но, черт возьми, красивым орком!

Мышц было много, но они выглядели естественно, как у человека, который всю жизнь таскает бревна, а не качается в зале. Голый торс испещрен шрамами и какими-то ритуальными узорами, нарисованными чем-то темно-коричневым,

похожим на засохшую кровь или охру. Лицо с сильным подбородком, прямым носом и губами, которые в иной ситуации можно было бы назвать чувственными. А глаза... ярко-янтарные, как у его собрата, но с золотыми крапинками, которые словно светились изнутри.

В общем, если абстрагироваться от цвета кожи и легкого запаха дыма, эталон мужской красоты в стиле «суровый воин».

Внутри что-то екнуло, но я тут же прогнала эту глупость. — У нас — это где? — прищурилась, не отводя взгляда и стараясь скрыть нарастающую нервозность. — Покажите! — потребовала властным тоном, каким обычно ставила на место зарвавшихся интернов.

Голос, к счастью, не дрогнул.

Бояться того, что оказалась одна среди целой толпы мускулистых орков, я не спешила. Вернее, боялась, но этот страх был загнан глубоко внутрь.

В больнице и не в таких ситуациях порой приходилось находиться, когда требовалось усмирять буйных пациентов или их родственников. И ничего, выжила.

Главное — не показывать страх и вести себя как хозяин положения. Это правило сработало и здесь.

Один из мужчин, помоложе и с меньшим количеством шрамов, встал с земли. Я перевела на него взгляд и наконец-то увидела своего Барсика. От сердца отлегло, а панику вытеснила волна такого облегчения, что на мгновение пере-

хватило дыхание.

Кот, мой пушистый предатель, нагло развалился на коленях у другого орка, мурлыкая так, что это было слышно за несколько шагов, и блаженно щуря свои зеленые глаза. Орк, гигант с лицом, способным испугать медведя, осторожно, одним пальцем, чесал ему за ухом.

Картина была настолько абсурдной, что я едва не рассмеялась, но вовремя сдержалась.

Забрать или нет? Честно раздумывала над этим целую минуту, чувствуя, как гнев постепенно отступает, а потом заменяется легкой обидой на кота-изменника. С одной стороны, кот мой. С другой — он явно в полном порядке и наслаждается жизнью. И если я его заберу, то сорву какой-никакой, но дипломатический контакт.

Решила, что сейчас есть проблемы поважнее, чем дрыхнувший на коленях у чужака кот. Предатель пусть спит.

Снова перевела взгляд на главного орка, скрестив руки на груди, пытаюсь вернуть себе серьезное выражение лица.

— Итак, я здесь. Что дальше? — спросила, давая понять, что время кошачьих нежностей закончилось и пора переходить к делу.

Сердце, однако, все еще колотилось, и я чувствовала, как дрожат колени. Но виду не подавала.

Ни за что.

Глава 6

Мужчина-вождь кивнул с таким видом, будто только что выдал исчерпывающую медицинскую справку, и изрек свое краткое:

— Ранение.

Его бас прокатился по округе, но у меня от этой лаконичности уже начало подергиваться веко.

Ну серьезно, я в другом мире, мой кот предательски переметнулся к врагу, а этот бугай строит из себя недотрогу! Внутри все закипало от возмущения.

Я выдохнула, чувствуя, как раздражение подкатывает комом к горлу. Нервы и так были на пределе после портала, потери кота и осознания, что я в другом мире, а тут еще этот молчун.

— Значит, так, — возмутилась, упирая руки в боки. Бусины в моих волосах гневно зазвенели, будто поддерживая мой порыв. — Если у тебя есть какие-то просьбы, то следует выдавать их полным ответом! С симптомами, подробностями и анамнезом! А еще лучше — с результатами анализов! — Голос звенел от накопившейся усталости и нервного напряжения. — Просто краткий ответ оставь для своих одноплеменных братьев, или кто они там, — махнула я рукой в сторону сидящих вокруг костра орков, которые с нескрываемым интересом наблюдали за нашей дискуссией.

Вождь раздумывал недолго, его янтарные глаза изучали меня с таким любопытством, словно перед ним был новый вид насекомого. Казалось, он впервые видел, чтобы с ним так разговаривали.

Затем он снова кивнул, и в уголке его рта дрогнула едва заметная усмешка — черт возьми, это было даже немного симпатично.

— Хорошо. Тебе надо поесть, — выдал он уже вполне нормальное, почти заботливое предложение.

И только сейчас я поняла, насколько же измотана и голодна. Желудок шумно и предательски заурчал, словно в нем завелся маленький голодный демон.

Я почувствовала, как кровь приливает к щекам, но сделала вид, что так и надо — мол, это не я, это мое тело требует подкрепления для великих дел.

— Надо, — кивнула с важным видом, с облегчением плюхнувшись на пенё, где до этого восседал сам вождь. Дерево было теплым от солнца и казалось невероятно уютным после всех перенесенных потрясений. — Накладывай, — махнула ему рукой, разрешая за собой поухаживать.

Пусть считают, что это компенсация за мои истерзанные нервы из-за пропажи кота и межмировое путешествие.

В глубине души я с удовольствием представляла, как этот громила разливает мне суп — картина стоила того, чтобы немного потерпеть.

Все орки переглянулись, кто-то даже хмыкнул — послы-

шался короткий, похожий на рычание звук, — но никто не стал спорить. Дисциплина, видимо, у них на высоте.

Спустя мгновение из большого булькающего котла, от которого шел дразнящий аромат дымка и трав, мне налили густой жидкости в небольшую, но основательную деревянную чашу, выдолбленную из цельного куска дерева, с приятной гладкой фактурой. Вручили такую же большую деревянную ложку.

Я хмыкнула, рассматривая последнюю.

Странно, но работа оказалась вполне искусной: ложка была тщательно отшлифована, а на ее выпуклой стороне были вырезаны замысловатые узоры, напоминающие переплетающиеся ветви.

В другом мире такой сувенир за хорошие деньги бы продавали.

— Красиво, — сказала как есть, отметив про себя, что все двенадцать пар глаз наблюдают за мной, как за диковинным зверьком в цирке.

Но когда это чужие взгляды останавливали желание поесть у бывшего хирурга и нынешнего главврача? Да никогда!

Мы, медики, можем есть хоть кверху ногами на ходу между операциями, лишь бы было время и хоть какая-то еда. Эта мысль придала мне уверенности.

С аппетитом, достойным истинного знахаря, я приступила к пище. Похлебка оказалась на удивление вкусной и сытной. В густом, чуть пряном бульоне плавали куски нежного

мяса (надеюсь, не кошачьего), какие-то корнеплоды, сладковатые и рассыпчатые, и темно-зеленые листья, напоминающие шпинат. Вкус был дымным, земляным, с нотками диких трав — где-то горьковатых, где-то освежающе-мятных. Еще бы сметанки... но и так прекрасно.

После больничной столовой это был настоящий гастрономический праздник.

Мужчины, видя, что я не церемонюсь, последовали моему примеру. Так что уже спустя пару минут над лагерем стоял равномерный гул — стук деревянных ложек о чаши, довольное чавканье и мое удовлетворенное прихлебывание.

Честно говоря, орки ели на удивление тихо и аккуратно для таких громил. Никаких размахиваний ложками и громких разговоров с полным ртом. Я даже поймала себя на мысли, что начинаю чувствовать себя немного... своей в этой странной компании. Что было довольно опасно, но пока приятно.

Наевшись до отвала, поставила пустую миску себе под ноги, облизнула ложку (ну а что? Вкусно же!) и посмотрела на продолжающего стоять вождя.

Хотя чего удивляться — я же заняла его место, куда ему садиться-то? На землю? Видимо, свои кожаные штаны он пачкать не хотел. Или просто соблюдал дистанцию.

Меня это даже позабавило — такой большой, а такой чопорный.

— Ну что, — сказала я, смакуя последние вкусовые ощу-

щения и чувствуя прилив энергии, — показывай свою рану. И на этот раз — со всеми подробностями. Когда получил, чем, есть ли температура, тошнота, головокружение? — встала я, отряхивая свои джинсы и принимая профессиональный вид, каким встречала особо несговорчивых пациентов.

— За мной, — сказал мужчина, развернулся и двинулся к тому самому фиг-ваму, из которого я вышла.

Ну, за ним так за ним. Мне несложно.

По крайней мере, наелась я отлично. А сытый и немного отдохнувший врач — это уже полдела. Да и любопытство грызло: что же это за ранение такое, ради которого понадобилось похищать главврача из другого мира?

Мы зашли в шатер. Воздух здесь пах дымом, кожей и чем-то травяным, и от этого кружилась голова.

Мужчина, не обращая никакого внимания на мои скромно валяющиеся на полу пожитки, снял ремни с оружием, опоясывающие его грудь и спину, и тут же уселся на край кровати, решительно повернувшись ко мне спиной. И только тогда я увидела это во всей «красе»...

Дыхание перехватило. Большой диагональный выпуклый шрам, напоминающий след от удара молнии или, что более вероятно, от какого-то чудовищного крюка, пересекал всю его спину от левого плеча до правого бедра. Шрам был багрово-синюшным, рельефным и выглядел так, словно кто-то провел по плоти раскаленным крюком, безжалостно разры-

вая все мягкие ткани, а потом кое-как, на живую нитку, стянул края.

Теперь я понимала, почему ему понадобился врач. Но почему, черт возьми, именно я? Разве в их мире, полном магии и зеленокожих великанов, не нашлось своего костоправа?

Внутри все сжалось от смеси страха и ответственности.

— Ох, — вырвалось у меня почти беззвучно, и я присела рядом, почти неосознанно коснувшись кончиками пальцев страшного рубца.

Кожа вокруг была горячей, воспаленной и натянутой, как барабан. Под кожей прощупывалось что-то твердое и бугристое — будто осколки кости или инородные предметы. Меня, выдавшую виды в хирургии, передернуло от одной мысли о той боли, которую он должен ощущать.

— Что произошло? — уточнила, заставляя себя мыслить сухо и профессионально, отгоняя прочь легкую панику, подкатывающую к горлу.

Но честно говоря, нечасто я видела подобное, да еще чтобы пациент после такого оставался на ногах и мог ходить, пусть и деревянной походкой. Это противоречило всем законам медицины, которые я знала.

— Крюк во время боя, — в своей обычной краткой манере отрезал мужчина.

Его спина напряглась под моими пальцами, мускулы вздрагивали.

Я покачала головой, чувствуя, как нарастает знакомое раз-

дражение. Ну почему с ним как с камнем разговариваешь? Словно каждое слово ему золотом дается!

— Что именно беспокоит? — уточнила я, стараясь говорить терпеливо, как с непонятливым пациентом, который не в состоянии описать, где и как у него болит. — Должны же быть какие-то проявления, кроме самого факта наличия этого... украшения? Боль? Онемение? Покалывание? Слабость? — Я водила пальцем по воздуху, как бы перечисляя симптомы, надеясь, что он хоть на один кивнет.

Орк молча встал, теперь уже лицом ко мне. Его выражение было невозмутимым, но в глазах читалось напряжение и тень боли.

Он попытался плавно повернуться направо — у него не вышло, тело будто наткнулось на невидимую преграду, и он слегка крикнул от усилия. Потом налево — снова неудача, лишь короткий резкий выдох и едва заметная гримаса, исказившая его сильные черты.

Угу. То есть нарушена подвижность позвоночника и, скорее всего, плечевого пояса.

Но как он вообще ходил, держался так прямо — все еще оставалось загадкой, вызывающей у меня почти суеверный трепет.

Затем орк попытался наклониться вперед, — ничего не вышло. Спина просто не сгибалась, оставаясь прямой и негнущейся, как доска. Он выпрямился с тем же усилием и ткнул большим пальцем себе за спину.

— Магия, — пояснил коротко, и в его голосе прозвучало что-то вроде досады. — Держит. Но гнется плохо. Как камень.

Я тяжело вздохнула, потирая переносицу, чувствуя, как накатывает усталость и легкое отчаяние. Понятно, что ничего толком не понятно. Ни рентгена, ни томографии, один только осмотр и магические рассказы.

Как я должна это лечить? Заговорами и примочками из местных трав?

Внутри боролись скептицизм врача и жгучее любопытство исследователя, столкнувшегося с чем-то совершенно новым.

— Слушай, — сказала я, глядя ему прямо в глаза и стараясь выглядеть максимально убедительно. — Тебе нужно МРТ сделать. Магнитно-резонансную томографию. — Я увидела полное непонимание в его взгляде и взмахнула руками, описывая в воздухе круг. — Это такой большой... бублик, который просвечивает насквозь и показывает, что у тебя там внутри творится. Все эти связки, мышцы, позвонки... — Он смотрел на мои жесты с тем же выражением, с каким я, вероятно, смотрела на его портал. — Есть у вас в каком-нибудь фиг-ваме, у местных знахарей, нужный аппарат? Или, — я сделала паузу для драматизма, глядя на него с вызовом, — вернемся в мой мир? Там у меня как раз знакомый есть, он даже инопланетян бы просветил, не то что орка.

Глава 7

Мужчина лишь покачал головой, и в его янтарных глазах мелькнуло что-то неуловимое — то ли сожаление, то ли упрямство, от которого у меня похолодело внутри. Неужели и правда нет пути назад?

— Нельзя в твой мир, — выдал он, и в его голосе прозвучала такая каменная окончательность, что все мои надежды рухнули разом.

Я кивнула, сглотнув комок в горле и пряча разочарование. Нельзя так нельзя. Хотя жалко работу, коллег, даже эту нерешенную проблему с туалетной бумагой...

Моя больница, моя ответственность. Хотя... отпуск же!

Подумают, что я просто так решила его отгулять по-настоящему, скрываясь с радаров. Туалетного вора, конечно, они не найдут и устроят еще больший бардак в больнице, но с этим я разберусь потом. Если, конечно, это «потом» вообще настанет.

Мысль о том, что меня могут оставить здесь навсегда, вызвала холодок вдоль позвоночника, но я гнала ее прочь, цепляясь за прагматизм, как за спасательный круг.

— Тогда мне нужны аппараты для исследования, — сказала, разводя руками с ощущением полной беспомощности. — Без них я как слепая. Не могу же я тыкать в тебя пальцем и гадать на кофейной гуще! — добавила с горьковатой

усмешкой.

— Мой народ... доставит, — Он произнес это с такой на-
тугой, словно каждое слово давалось ему с боем.

Видимо, сложные предложения были не его коньком. Или
просто не хотел ничего обещать.

Я вздохнула, вставая и отряхивая свои джинсы. Пора бы-
ло переходить к организационным вопросам. Разочарование
постепенно сменялось раздражением — как же неудобно все
устроено в этом фэнтези-мире!

— Когда? — уточнила, глядя на него прямо и стараясь не
показывать своего недовольства, я ведь профессионал. — И
давай разберем еще вопрос моего здесь проживания. Сейчас
отпуск, так что еще месяц я могу спокойно у вас тут развле-
каться, но потом надо домой. У меня там работа, ответствен-
ность. И кот, которому нужны его привычные консервы, а не
эта... похлебка.

— Жена! — стукнул себя в грудь мужчина.

В его глазах вспыхнул такой огонь, что у меня внутри все
перевернулось от возмущения, смешанного с паникой. Нет
уж, спасибо за такое предложение!

Я нахмурилась, тут же остужая его пыл ледяным тоном,
каким обычно останавливала слишком настойчивых поклон-
ников.

— Вот именно! Я тебе не жена, так что изволь выделить
отдельные апартаменты, покажи, где тут душ и туалет, рас-
скажи, чего от меня хотят за этот месяц, кроме решения тво-

ей проблемы с позвоночником. Я не вещь, чтобы меня просто так присваивать!

Зеленый нахмурился, его брови сомкнулись в одну сплошную линию. Казалось, он вообще не понимал, почему я сопротивляюсь такой «чести».

— Моя жена. Ты, — выдохнул он, явно злясь, и его кулаки сжались так, что костяшки побелели.

Я же оставалась спокойной как скала, хотя внутри бушевали и страх, и злость, и какое-то дурацкое любопытство к этому невероятному положению.

— А более разговорчивого мне можно? — спросила, понимая, что проблема коммуникации налицо. — Того, кто может говорить предложениями длиннее трех слов? Мне нужен переводчик или хотя бы тот, кто способен объяснить, что тут вообще происходит!

Мужчина кивнул, о чем-то задумавшись, и вышел из шатра, оставив меня в одиночестве. Я даже заинтересовалась этим, но не стала его окликать.

Пусть прогуляется, подумает — глядишь, поймет, что я ему в этом лесу без оборудования ничего сделать не смогу. Тем временем я занялась более тщательным осмотром жилища орков, стараясь отвлечься от гнетущих мыслей.

Шатер был просторным, но аскетичным. Дым, кожа и сушеные травы, развешанные пучками у центрального шеста, — пахло незнакомо, чуждо.

Я начала разбирать свои вещи, сложив одежду аккурат-

ными стопками на деревянный сундук, расставила баночки с кошачьими витаминами и свои скромные туалетные принадлежности. Эти знакомые предметы в незнакомом окружении вызывали странную ностальгию.

Наконец мое уединение прервал луч солнца, ворвавшийся в палатку вместе с силуэтом в дверном проеме, и мелодичный, как ручеек, голос.

— Добрый день, — поздоровался со мной...

Я тут же обернулась, изучая незнакомца, и мои брови сами по себе взлетели вверх.

Эльф. Натуральный, как из книжки!

Белые, словно серебро, волосы ниспадали ему до пояса, переливаясь на свету. Торс был обнажен, открывая идеальный рельеф мышц и кубики пресса, о которых любой фитнес-тренер мог бы только мечтать. На шее — бусы из зубов и когтей в манере орков, но штаны были совсем другие, сшитые из какого-то странного природного материала, напоминающего переплетенные листья, а на ногах — практичные кожаные ботинки.

И самое главное — нереальная, почти болезненная красота лица с высокими скулами, миндалевидными глазами цвета весенней листвы и слегка заостренными ушами. От его внешности перехватывало дыхание.

— Добрый, — слегка опешила я, чувствуя, как кровь приливает к щекам, но быстро взяла себя в руки, вспомнив, что с лица воды не пить, как говорится.

То, что мужчина красив, еще ничего не значит. Хотя глаза оторвать было сложно — такая красота казалась почти неестественной.

— Меня зовут Лориэль, — представился он с легким, полным изящества поклоном. — Я сын правителя эльфов, у орков нахожусь из-за политически выгодного нашему народу брака. Женат.

В ответ кивнула, складывая руки на груди в защитном жесте. Он рассказывал это так, словно ждал, что я ему на шею сейчас брошусь.

Не дождется, красавчик.

Я уже имела дело с одним зеленым «женихом» — хватит с меня. Хотя внутри шевелилось любопытство: как же выглядит его жена? И почему он здесь, среди орков? Почему девушка не поехала к эльфам?

Тем временем в мою палатку вошел уже знакомый вождь с раной на спине. Он выглядел еще более мрачным, чем недавно, и его взгляд, переходящий с меня на эльфа, был откровенно недружелюбным.

— Меня позвал вождь Громор, — пояснил Лориэль, — для того, чтобы я выступал переводчиком между вами.

— Переводчиком?

До меня начало доходить, что не просто так орки казались мне неразговорчивыми. А ведь, когда я вышла из палатки после пробуждения, и правда слышала их речь... и она была незнакомой мне, состоящей из рычащих и хриплых звуков.

Хм... Слишком переживала за кота, не обратила внимания. Теперь же осознание этого факта ударило по голове с новой силой.

— Да, — кивнул эльф, и в его глазах читалось понимание моего смятения. — Обычно при переносе человека в наш мир знание местного языка, в зависимости от территорий, куда переносишься, закладывается сразу же, но у тебя... другой случай. Человек не может воспроизвести язык орков — для этого у вас недостаточно развитый речевой аппарат. Так что, видимо, тебе далось знание эльфийского, на котором ты и разговариваешь. Граница наших земель не так далеко отсюда.

Хм... Все страньше и страньше, но вместе с тем и более захватывающе! Я все это время говорила на другом языке и даже не заметила?! Это было одновременно пугающе и восхитительно. Это же магия чистой воды! Настоящая магия!

Восторг и смятение боролись во мне, вызывая легкое головокружение.

Попробовала сказать про себя «добрый вечер» и поняла, что и правда говорю на совсем другом, мелодичном языке, хотя мой мозг по-прежнему считал, что это русский. Интересно как!

Внутри все прыгало от восторга и смятения, но внешне я старалась этого не выдать, сохраняя деловой вид. Нельзя показывать, насколько я уязвима и дезориентирована.

— А ты, значит, знаешь и оркский, и эльфийский, — уточ-

нила я, глядя на красавчика и стараясь звучать невозмутимо.

То, что он женат, делало его красоту еще более недоступной. Но никто же не запрещал мне просто любоваться им как произведением искусства.

— Да, — улыбнулся он, и улыбка была ослепительной. — И я помогу тебе тут освоиться, пока будешь заниматься лечением вождя.

Все это время зеленый громила Громор стоял рядом с ним и хмурился, явно чувствуя себя лишним в разговоре на мелодичном эльфийском. Его терпение, казалось, было на исходе.

— Жена! — указал он пальцем на меня, а затем быстро что-то заговорил Лориэлю на своем рычащем языке.

Я прислушалась, действительно ничего не понимая. Звучало так, словно гласных звуков там вообще не было — только хрипы, рыки и щелчки.

Жуть какая... Как они друг друга понимают?

Лориэль кивнул, выслушав его, и перевел мне с легкой, почти издевательской усмешкой:

— Вождь говорит, что ты не вернешься в свой мир. После того как вылечишь его, он собирается взять тебя в жены. Считает это справедливой платой и великой честью для тебя.

Я подняла брови, чувствуя, как по щекам разливается краска возмущения. Вот это наглость! Хотя, черт возьми, было даже приятно и польстило, что мной так... настойчиво интересуются. Но это не значит, что я согласна! Я не вещь!

— А бутерброд ему маслом не намазать? — выдала саркастически, скрестив руки на груди. — Пусть закатывает губу. Я согласилась сюда идти только потому, что мне было интересно. Так что пусть лыжи воском смазывает, а не строит из себя жениха. Да и я не представляю, как лечить без аппаратуры и прочего. Это же не царапину заклеить пластырем!

Лориэль улыбнулся, и его глаза блеснули весельем.

— У тебя такие странные сравнения, — поделился он. — Но, боюсь, вождь и правда тебя уже не отпустит. Для него это дело решенное. Тебе придется смириться с этим.

Я отмахнулась, фыркнув с пренебрежением, которое не совсем чувствовала. Еще посмотрим, кто с кем смирится. Может быть, через месяц меня отправят домой, лишь бы я перестала им тут всем мозг выносить. Это пока я помалкиваю и осматриваюсь, но как освоюсь... Еще ни один мужик мой характер дольше недели не выдерживал.

Внутри же шевелилась тревога: а что, если он прав? Что, если обратного пути действительно нет?

— Поживем — увидим, — парировала я, стараясь звучать уверенно. — Так что там с аппаратом? И еще, я бы хотела узнать, где буду жить, где туалет, где душ? Базовые потребности, знаете ли. Я не могу работать в антисанитарных условиях.

Лориэль кивнул, принимая деловой тон.

— Жить ты будешь тут: этот шатер предназначен для знахаря. В твоем случае — для знахарки. А остальное я тебе

покажу. Идем.

Мы втроем снова вышли на солнечную поляну, где еще недавно весело горел костер. Костра уже не было, мужчины тоже разбежались кто куда. Зато моя серая переноска стояла у входа в шатер, выглядя странным инородным пятном на фоне травы и камня.

— Мау! — возмущенно прокричал из нее Барсик, видимо, недовольный тем, что его вновь затолкали в клетку и бросили.

— Барсик! — бросилась я к нему, с облегчением открывая дверцу и выпуская своего пушистого друга. Он тут же выскочил и начал недовольно тереться о мои ноги. — Погоди, — сказала я Лориэлю. — Раз шатер мой, то я занесу в него кота. Пусть осваивается. И чтобы больше его никуда без моего разрешения не запирали!

Эльф спокойно наблюдал за мной, в то время как Громор почему-то нахмурился и начал возмущенно что-то выговаривать подошедшему к нему орку, очень похожему на него самого, — видимо, брату или заместителю.

Я запустила Барсика внутрь, погладив его по голове.

— И пусть следят, чтобы он не сбежал! — попросила я у Лориэля, глядя прямо на Громора. — Он мастер побегов. А если с ним что-то случится, можете забыть о каком-либо лечении.

Тот легко перевел мою фразу вождю. Громор кивнул, сделав какой-то замысловатый знак рукой. Откуда-то прибежа-

ло сразу три могучих воина со щитами и встали на страже моей палатки по периметру. Я хмыкнула, чувствуя смесь абсурдности и удовлетворения.

Ну что ж, будем считать, что Барсик в безопасности. Правда, стоило бы проверить, насколько плотно прилегает эта кожаная ткань к земле. Это же кот: он не станет ломиться через центральный вход, если найдет хоть одну дырочку. Надо будет позже все щели осмотреть.

— Это центральная поляна поселения, — тем временем начал экскурсию Лориэль, жестом показывая на место, где я недавно обедала. — Здесь собирается совет, решаются важные вопросы. Очень почетно, что тебя поселили рядом: хотя у орков знахари в большом почете, но ты все же первая, кого поселили так близко к месту силы.

— Угу. Горжусь, — кивнула я с легкой иронией.

Понятно, что у них тут свои порядки и иерархия, в которую мне теперь предстояло вписаться. Хотя бы на время. Или... навсегда? Эту мысль я снова отогнала, сосредоточившись на настоящем.

Сначала туалет. Потом — разборки с женихом. А там посмотрим. Глядишь, и МРТ какого-нибудь магического добьюсь. Надо же как-то лечить этого упрямого громилу.

Глава 8

Эльф честно отрабатывал звание профессионального гида, хотя таковым, судя по всему, не являлся. Он показал мне общую поляну, где в нескольких огромных котлах готовилась еда для всего племени — аромат дымного мяса и трав щекотал ноздри, вызывая предательское слюноотделение, несмотря на все мои попытки сохранять профессиональную отстраненность. Познакомил с хозяйственниками, отвечающими за распределение общественных благ типа теплых одеял и прочего.

Орки-хозяйственники оказались такими же массивными, но с более спокойными, даже добродушными лицами, и их уважительные кивки в мою сторону заставляли чувствовать себя немного важной шишкой, хотя внутри все сжималось от осознания собственной беспомощности в этом новом мире.

— Ночью бывает холодно, — делился ушастый, и его белые волосы колыхались на ветру, переливаясь в свете солнца. — У орков не принято спать на земле поэтому. И считается большим оскорблением, если ты предложишь сесть или лечь орку на землю. К тому же в сезоны дождей очень много змей, это тоже фактор.

Я кивала, рассматривая все по сторонам, впитывая традиции нового для меня мира с жадностью и детским восторгом, смешанным с легкой тревогой.

Палаточный город раскинулся на огромной поляне, окруженной незнакомыми деревьями с лиловыми и серебристыми листьями, которые шелестели на ветру, словно перешептываясь обо мне. Повсюду стояли кожаные шатры разных размеров — от скромных до внушительных, — украшенные перьями, резьбой и цветными полосками. Между ними виднелись костровища — над некоторыми еще поднимался дымок, и этот запах дыма смешивался с другими ароматами, создавая неповторимый букет.

Орки — и мужчины, и женщины — занимались своими делами: кто-то точил оружие, кто-то чистил шкуры, кто-то просто сидел у входа в шатер.

Женщины-орки оказались массивными зелеными красавицами, хоть и чуть меньше мужчин, с такими же сильными чертами лица, но с более изящными руками и шеями. Многие носили сложные прически с вплетенными бусинами и перьями, и их взгляды, скользящие по мне, были полны любопытства, но без тени враждебности, — скорее оценивающий интерес, от которого становилось одновременно и лестно, и не по себе.

— Вот тут у нас проживают другие знахари, — показал эльф на палатку, украшенную похожими символами, как у меня. — Их чести жить рядом с вождем не удостоили. Можешь потом познакомиться. Подлости орки не знают: если смогут помочь — помогут. У них не в чести отказывать союзнику.

Кивнула, мотая себе на ус, старательно запоминая месторасположение новых палаток.

Приятно было знать, что есть коллеги, к которым можно обратиться, и это знание вызывало волну облегчения. Хотя, черт возьми, я главврач! Мне странно и даже немного унижительно чувствовать себя стажером, не знающим местных правил.

Но любопытство пересиливало — как лечат здесь? Какие у них методы?

Насколько я поняла, палаточный лагерь находился на краю какого-то леса, так как большинство палаток располагалось на поляне, но часть стояла среди деревьев. Зеленые, лиловые и серебристые листья незнакомых мне деревьев полностью закрывали вид вглубь чащи, создавая ощущение уюта и таинственности одновременно. Очень тянуло заглянуть туда, но пока я не решалась отойти далеко от своего гида.

Пахло... Пахло свежестью, влажной землей после недавнего дождя, дымом от костров, сладковатым ароматом незнакомых цветов и чем-то еще — пряным, древесным, что я не могла определить, но что щекотало нервы и напоминало корицу и мускус.

Свежий ветер дул в лицо, принося с собой все эти запахи, и от этого кружилась голова, а сердце билось чаще. Это был запах приключения, запах другого мира, и он одновременно пугал и манил.

— А вот тут туалет, — мне показали на небольшой шатер, скромно расположенный в стороне от основных жилищ. — Их разбросано много по всему стану. Этот — ближе всего к твоему шатру, и именно он используется вождем и его приближенными.

Я решила зайти глянуть, чувствуя смесь естественного любопытства и легкой брезгливости. И весьма поразилась обстановке. Внутри было чисто и просторно. Вместо унитаза тут стояло некое подобие деревянного кресла с дырой посередине, а внутри...

Да, да, мое любопытство заставило меня заглянуть внутрь, преодолевая легкую дрожь. Я ожидала увидеть яму или нечто подобное, но вместо этого обнаружила странную губчатую структуру бирюзового цвета, которая мягко пульсировала, словно была живой, и от нее исходил едва уловимый свежий, почти мятный аромат.

— Это что? — пораженно прошептала, ткнув пальцем в эту пульсирующую массу и тут же отдернув руку, чувствуя легкое отвращение, смешанное с научным интересом.

Обернувшись, но эльфа рядом не оказалось. Видимо, он решил подождать меня снаружи, соблюдая приличия. Так что пришлось выйти и, стараясь скрыть смущение, попросить его зайти со мной, чтобы объяснить.

Ушастый сразу же понял, чего я от него хочу, и с легкой, почти нежной улыбкой последовал за мной.

— Это мох. Особый, магический. Орки его используют

для утилизации отходов. — Эльф улыбнулся, видя мое изумление. — Весьма интересная структура, конечно. Работает безотказно — поглощает все без остатка и запаха.

Да уж. То есть вместо канализации у них... пульсирующий мох? Интересно. Очень гигиенично и экологично, хотя и выглядело слегка пугающе и неестественно для моего, привыкшего к технологиям, глаза.

— А где туалетная бумага? — уточнила по привычке, хотя уже догадывалась об ответе, и внутри все сжалось от предчувствия чего-то странного.

— Что? — удивился Лоризель, его идеальные брови поползли вверх. — А, ты про это, — понял он спустя мгновение. — Тут такого нет. Вместо этого есть опять же мох.

Он показал на аккуратные квадратики из того же бирюзового материала, сложенные стопкой на небольшом деревянном столике рядом.

Я скривилась, представив это на практике, и по телу пробежала легкая дрожь отвращения.

— Но это же негигиенично! — возмутилась, привычная к стерильности больничных помещений и одноразовым перчаткам.

— Это магия, — улыбнулся мужчина, и в его глазах плескалась искорка веселья, словно он наблюдал за забавным ребенком. — После каждого использования она вновь становится идеально чистой. Проверено веками.

Я же скривилась еще сильнее, чувствуя, как внутри бо-

рются скептицизм врача и волшебство этого места. Все это для меня звучало слегка... неестественно.

Магия — это, конечно, здорово, но мыть руки после таких процедур хотелось еще сильнее, до стерильности.

— Ладно, а если я хочу помыть руки? — спросила, оглядываясь в поисках раковины или хотя бы кувшина с водой.

— А для этого есть другие артефакты, — эльф подвел меня к каменной тумбе с небольшим углублением-тазиком и несколькими гладкими, отполированными камушками, лежащими рядом. Они переливались разными цветами в лучах солнца. — Кидаешь камень на дно и смотри...

Я с изумлением, затаив дыхание, наблюдала, как уровень чистой, прозрачной воды начал подниматься в углублении, пока не заполнил его примерно наполовину. Это было как волшебный фонтан — без насоса и труб, безо всякой видимой причины. От воды исходила легкая прохлада и свежий запах, словно из горного источника.

— Можно умыться, помыть руки. Вода всегда будет чистой. А чтобы вода ушла, нужно кинуть другой камень.

Лориэль продемонстрировал, бросив в воду темно-синий камень. Вода тут же бесшумно ушла вглубь тумбы, не оставив и следа — ни капли.

Я в полном обалдении покачала головой, чувствуя, как реальность уплывает из-под ног. Это были какие-то совершенно дикие технологии, которые физически не могли существовать, потому что, откуда берется вода, куда она дева-

ется, было совершенно неясно.

Но именно эта нереальность, эта магия, работающая на каждом шагу, делала этот мир еще реальнее, осязаемее. Я чувствовала легкое головокружение от восторга и смятения.

— А если помыться? — поинтересовалась, уже предвкушающая новые чудеса и сгорая от любопытства.

— Душевые в другом шатре, идем. — Эльф провел меня в другую сторону и отогнул полог нового, более просторного шатра.

Внутри стояли три большие деревянные бочки, наполненная водой, а сбоку висели странные плоские камни с рунами, светившимися мягким голубым светом. Воздух был влажным, и пахло мокрым деревом, травами и озоном, словно после грозы.

— Вот тут можно принять ванну. Чтобы принять душ, — он показал на один из камней, — необходимо закрепить вот этот камень сверху, на этой перекладине, и вода будет литься равномерным потоком. Главное — не забыть снизу закрепить другой, чтобы вода уходила и не разводить грязь и сырость.

Смотря на все это, я чувствовала, что границы моего понимания мира рушатся и складываются заново, как пазл. Камни, из которых течет вода... Мох, который все перерабатывает...

Это было невероятно, странно и восхитительно. И пахло здесь свежестью, мокрым камнем и озоном — запахом ма-

гии, запахом чего-то совершенно нового, что одновременно пугало и завораживало.

Я стояла, впитывая все это, и понимала, что мой привычный мир, если возвращение домой вообще случится, уже никогда не будет прежним.

Глава 9

— Вот! — внезапно раздался знакомый низкий голос, заставивший меня вздрогнуть.

Вождь Громор подошел в тот самый момент, когда мы с эльфом уже возвращались с экскурсии и Лориэль терпеливо объяснял мне, что замысловатые рисунки на каждом из фиг-вамов — это не просто украшения, а настоящая письменность.

Мол, если заговорить на оркском мне не суждено, то понимать и читать на этом языке я вполне могу научиться. Благодаря этому знанию я никогда не перепутаю жилища воинов, ремесленников и знахарей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.